

УДК 821.161.1.09-3+929 Гоголь

«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н.В. ГОГОЛЯ: ИДЕЯ СЛУЖЕНИЯ И ПОЭТИКА ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ

Т.А. Кулакова

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
E-mail: tak20002005@yandex.ru

Выявляются основные смысловые компоненты мотива служения, его роль в сюжете и композиции «Выбранных мест из переписки с друзьями», трансформации традиционного для учительской литературы образа автора-проповедника в персонифицированный, многогранный образ «добротного христианина».

Ключевые слова: мотив, сюжет, микросюжет, образ автора, служение, служба, проповедник.

**«Selected Passages from Correspondence with Friends»
by N.V. Gogol: the Idea of Service and the Poetic Manner
of Its Implementation**

T.A. Kulakova

The article gives basic meaning components of service motif, identifies its role in the plot and composition of "Selected Passages from Correspondence with Friends" and shows the transformation of the author-preacher image that is typical of didactic literature into a personified and many-sided image of a "good Christian".

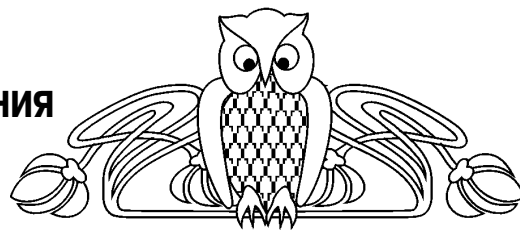
Key words: motif, plot, micro plot, image of the author, service, work, preacher.

Молитесь же, друг мой, теперь о том, чтобы вся жизнь моя была ему служение, чтобы дана мне была высокая радость служить ему и чтобы воздвигнуты были его всемогущею десницею во мне силы на такое дело.

Н.В. Гоголь¹

Проблема служения в мировоззрении и творчестве Гоголя стала в последнее десятилетие одной из наиболее обсуждаемых тем. Как правило, и литературоведы, и религиозные мыслители обращают внимание на формирование и развитие взглядов писателя на идеалы службы, служения. Однако как характерный элемент гоголевской поэтики, который реализуется по-разному почти во всех его текстах от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до «Выбранных мест из переписки с друзьями», мотив служения остается не в полной мере изученным.

Мы обратимся к последней книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой воплотились итоги глубокой и драматичной внутренней жизни автора, и попытаемся выявить основные содержательные компоненты мотива служения, проследить, каким образом он реализуется на разных уровнях текста – от словесно-стилевого (однокоренные слова, опреде-

ленные синтаксические конструкции, свойственные житийной и святоотеческой литературе) до композиционно-сюжетного (в качестве отдельных микросюжетов, в образе автора, в единстве «рамочной» композиции).

Для писателя в период работы над «Перепиской» первостепенными становятся вопросы о грядущем Страшном Суде и возможном спасении души, а нравственный идеал жизни Гоголь представляет как истинное, нелицемерное служение. Неслучайно на первый план в книге выходит литургический подтекст, а самым частотным является мотив «сакрального служения». Служение понимается прежде всего как богослужение, а вопросы этики и морали всех жизненных сфер человека решаются с позиций христианского вероисповедания.

Идея служения отчизне, России, всем соотечественникам, принесения пользы людям является, по признанию автора, сверхцелью и основным предназначением книги. Об этом свидетельствует письмо, написанное им в 1845 г.: «Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям страждущим на разных поприщах»². В книге эта мысль явлена в «Предисловии»: «Сердце мое говорит, что книга моя нужна и что она может быть полезна» (VIII, 216). Эта идея подпитывает почти все рассуждения, воплощенные на ее страницах. Явная авторская интенция, выраженная в подборе лексических средств (текст наполнен такими родственными словами, как служба, служение, выслужиться, польза, полезный и т.д.) и в общем строе произведения, декларируется, прямо подчиняя себе всю логику построения текста. Точнее, идея истинного служения, одноименный мотив становятся архисюжетом, реализованным в каждом отдельном письме.

А.М. Бухарев, а вслед за ним И.А. Виноградов говорят о трех тематических планах книги – социальных преобразований, проблем духовности и текстах, связанных с литературным поприщем. Связь этих тематических планов осуществляется, на наш взгляд, посредством мотива истинного служения, поскольку в каждой статье разворачивается сюжет о возможности сакрального служения.

Например, темы патриотизма, государственной службы³, служения как социальной позиции (духовенство), служения долгу (предназначению)

реализуются в статьях «Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России», «О лиризме наших поэтов» посредством аллюзива истинного служения: «Не полюбить вам людей до тех пор, пока не послужите им. Какой слуга может привязаться к своему господину, который от него вдали и на которого не поработал он лично?» (VIII, 308). Христианский идеал человеколюбия тесно слит в его понимании с любовью к родине, России: «Но как полюбить братьев, как полюбить людей? <...> Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России» (VIII, 300). И любовь в системе его воззрений – это прежде всего служение: «Нет, если вы действительно любите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, – последнее место, какое не отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни» (VIII, 300). Таким образом, оказываются сплоченными в единство понятия служба, любовь к родине и богослужение.

С позиции религиозного служения восприняты и проблемы просвещения. Для Гоголя характерно понимание просвещения через библейский символ света – божественного начала, Святого Духа. В художественном мире «Выбранных мест» «светлый» и «святой» являются синонимами (Светлое Воскресенье, «светлеть духом», «светоносное начало», «просветленный, высший взгляд на мир», «свет любви», «свет поэзии»). Согласно одному из основных тезисов христианской антропологии в каждом человеке есть внутренний свет – подобие Божие. Сам писатель в этом убежден: «...Внутри нас есть источник света – хоть мы редко стремимся к тому, чтобы найти его» (XI, 125). В статье «Просвещение» автор утверждает: «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» (VIII, 285).

Через понятие истинного служения, исполнения своего предназначения воспринята также и государственная служба: «На корабле своей должности и службы должен всяк из нас выноситься из омута, глядя на Кормщика небесного» (VIII, 344). Метафорическое определение должности воссоздает в памяти современников образ ковчега, выносящего человека из бездны всемирного потопа. Автор же воспринимает исполнение своего долга как путь к спасению. Поприще, государственная служба предстает как возможность достойно послужить, исполнить свой долг и тем самым обрести спасение: «Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом небесном государстве, главой которого уже Сам Христос» (VIII, 344).

Тема назначения поэта и поэзии в современном обществе развивается тоже как сюжет сакрального служения поэта. В ряде писем – «О том, что такое слово», «Об Одиссее, переводимой Жуковским», «Четыре письма, писанные по поводу “Мертвых душ”» – лейтмотивом звучит мысль о том, что поэт призван стать посредником между людьми и Истиной, поскольку ему дано познать больше, чем остальным.

Характерно для автора восприятие всего творческого и жизненного пути поэта как приготовления к созданию произведения, способного нравственно преобразить людей. Оттого вся литературная деятельность и жизненный путь Жуковского, по мысли писателя, – только необходимый путь морального совершенствования во имя создания перевода «Одиссеи».

Гоголь убежден: «...нельзя служить ... самому искусству» (VIII, 407). Квинтэссенцией является мысль: «Поэзия наша пробовала все аккорды, воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению более значительному» (VIII, 407).

Так называемая женская тема тоже своеобразно воплотилась в «Выбранных местах». Размышления об особой роли женщины в обществе традиционны для учительской литературы. О влиянии хорошей жены на жизнь мужа читаем в Изборнике 1076 г.: «Жены добры блажен есть муж ея и число днии его сугубо»⁴. Плохая же жена, «злая» может дурно повлиять и даже погубить мужа.

В художественном мире Гоголя в полной мере отразилось это противопоставление, но у него оно художественно воссоздано в единстве. Начиная с первых произведений, со статьи «Женщина» женское начало представляется автором двойственно – это и образ Божий, и одновременно сатанинское подобье на земле. Есть что-то дьявольское, необъяснимое и в Оксане, и в Ганне, привороживших неведомой силой парубков, не говоря уже о персонажах, напрямую связанных с inferнальным миром (Солоха и ведьма, обладающая притягательной и страшной красотой), воплощении двух женских начал в героинях «Невского проспекта».

В «Выбранных местах» женские образы лишены этой двойственности. Автор воссоздает лишь одну ипостась женщины, в которой различимы «гордые движения богоподобной души» (VIII, 146). Именно здесь он оживляет на земле образ «полубогини».

Письма, адресатами которых являются женщины, различны по тону и лирическому сюжету, но единит их мысль об избранности женщины, которая послана в мир, чтобы спасти, духовно излечить мужчину: «...Ее небесное поприще быть воздвижницей нас на все прямое, благородное и честное, кликнуть клич человеку на благородное стремление...» (VIII, 319). Этому предназначению она должна служить на любом месте – будь

то домашнее хозяйство или социальная сфера. Быть женой важного сановника, должностного лица и есть исполнение гражданского долга для женщины, поэтому и выполнить его она обязана «как деловой, толковый чиновник».

Таким образом, архисюжет «истинного служения» по-своему разворачивается в каждом письме и почти единовластно организует текстовое единство «Переписки». Это подтверждает и образ автора, в котором названный структурно-семантический элемент является доминантой.

Слово автора оформлено как литературное письменное слово. Жанр писем, записок более всего отвечает задачам самовыражения определенной личности. Мысли автора предстают в книге без привычных иносказаний и намеков, важны внятностью и простота его изречений.

В мировой литературе до Гоголя уже сложилась колоссальная традиция эпистолярного жанра – от Ж.-Ж. Руссо до «Писем» В.А. Жуковского, «Философических писем» П.Я. Чаадаева, «Записок русского путешественника» Н.М. Карамзина⁵. Но если Карамзин, Чаадаев, Жуковский адресуют свои письма друзьям и знакомым и предстают в них светскими людьми, занятыми по преимуществу социальными вопросами, то в гоголевском тексте, воспринимаемом современниками изначально как светское произведение, впервые явно появляется автор, образ которого навеян учительной, религиозной литературой, и автокомментарий «добрый христианин» становится устойчивым идейно-психологическим образом, определяющим всю стилистику и смысловое наполнение книги. Это образ, согласно гоголевским воззрениям, человека, стремящегося исполнить свой высокий долг на земле – совершенствоваться духовно и тем самым приближаться к идеалу Всевышнего.

Обилие религиозных, библейских мотивов убеждает в том, что автор в момент создания своей книги находился под обаянием церковной литературы, мыслил религиозными категориями. Письма Гоголя 1840-х гг. дают возможность говорить о том, что ко времени написания «Выбранных мест» сам писатель ощущал себя в роли служителя, который посвящен в таинство спасения и покаяния. Уже в письмах первой половины указанного десятилетия встречаются фразы, по стилистике близкие учительной литературе: «Не пренебрегайте сим письмом, прочтите его несколько раз со вниманием все» (1843). Доминанта образа автора традиционна для подобной литературы – он прежде всего озабочен богослужением, в том числе и церемонией этого служения.

Автор постоянно обращается ко «всему миру»: просит прощения «у всех соотечественников», «у всех тех, с которыми на долгое или на короткое время случилось ... встретиться на дороге жизни», просит «всех в России помолиться» о нем. Диалог «я и все» ведется по образцу святоотеческой литературы, как диалог пастыря и паствы.

Исследователи многократно отмечали, что гоголевское служение Богу и сама его религиозность специфичны, стихийны и тесно сплетены с архаическими, почти языческими представлениями. Это отразилось и на структуре образа автора, который при всей своей близости не является простым «слепком» с традиционных персонажей святоотеческой литературы. Сам принцип создания этого образа традиционен для учительной литературы, в которой для убедительности демонстрации неких моральных правил используются бытовые примеры⁶, но у Гоголя это не просто абстрактные бытовые зарисовки, а прямая соотнесенность с собственной персоной. И это придает образу автора особую искренность.

Проводя параллели между реальной биографией Гоголя и текстом «Переписки», И.А. Виноградов даже настаивает на том, что эта книга – ответ на литературную полемику вокруг его творчества, вызванную сложными взаимоотношениями с В.Г. Белинским⁷. Действительно, стилистика, общий эмоциональный фон, одухотворенность, торжественность, присущие тексту «Выбранных мест», очень близки реальным письмам периода создания книги, что дает право предположить большую долю искренности авторских высказываний. Таким образом, автор выступил в неприглядной для его читателя ипостаси, предельно сближенной с реальным человеком – Гоголем.

Явные автобиографические черты – указание на литературное поприще, многократное обращение к читателям, «собратьям по перу», упоминание о собственных произведениях («в том числе и мои повести») (VIII, 233) – зримо создают облик светского писателя и привносят пафос «публичной доверительности», социальной интимности⁸: «Мне хотелось хотя сим искупить бесполезность всего, доселе мною напечатанного, потому что в письмах моих, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, нежели в моих сочинениях» (VIII, 215). С одной стороны, перед читателем предстает образ светского писателя, произведения которого хорошо знакомы читателю, и автор ведет с ним камерную беседу о предмете давно известном и понятном обоим. Он верен своему поприщу, он – литератор, трепетный и ответственный творец. Н. Булгаков в статье «Душа слышит свет...»⁹ точно определил поразительную свободу автора, ведущего диалог «от себя»: «И фабулой, и сюжетом, и идеей, и миром произведения становится он сам, живой человек, каков есть. Он ничем не защищен: ни игрой, ни вымыслом»¹⁰. Это горизонт наибольшего приближения автора к читателю, максимальная «включенность» его в реальность адресата.

Вместе с тем это лишь одна из граней авторского образа повествователя – он многолик. Повествователь выступает то как светский писатель и литературный критик, то как философ, духовное лицо, то как мученик. И каждый образ характерен

соответствующей лексикой и синтаксическим строем речи. Смена авторских ликов выявляет определенный лирический сюжет – движение и нарастание настроений и мыслей автора. Облик, который принимает автор, зависит от предмета разговора, это своеобразная авторская «маска», сквозь которую он смотрит на окружающий мир. От этого зависит и тип повествования.

Автор предстает как персонаж, стоящий на пороге смерти, а потому предельно ответственный и искренний, мудрый: «Но умоляю, да не оскорбится никто из моих соотечественников, если услышит в нем что-нибудь похожее на поученье. Я писатель, а долг писателя не одно доставление приятного занятия уму и вкусу; строго взыщется с него, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется от него ничего в поучение людям. Да вспомните также, мои соотечественники, что, и не бывши писателем, всякий отходящий от мира брат наш имеет право оставить нам что-нибудь в виде братского поученья» (VIII, 221). Здесь повествователь уже находится на ином уровне, возвышаясь над повседневностью и окружающими. Постепенно это осознание избранности перерастает в уверенность постижения сакральной Истины, поэтому следующий период поражает иным интонационным рисунком, торжественным и откровенно назидательным тоном: «... Сколь бы ни была моя книга незначительна и ничтожна, но я позволю себе издать ее в свет и прошу моих соотечественников прочитать ее несколько раз...» (VIII, 216). Так возникает узнаваемый образ миссионера, проповедника-мученика, который своей полноты достигает в статье «О значении болезней». В этой статье самые тяжкие мучения представляются как отрадные минуты духовного просветления. Традиционные черты житийных персонажей – физические страдания и обращение к «внутреннему человеку» («... когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себе внутрь...») воскрешают в читательской памяти экспрессивно богатый лик праведника-мученика, придающий особый возвышенный пафос повествованию.

Именно с высоты всеведения мученика, вознесшегося к высотам духа, ведется речь в письмах «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве», «О том же»: «Эта церковь, которая как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши..., – и эта церковь нами незнаема!» (VIII, 246). Но проповедничеством в прямом смысле слова это назвать трудно, поскольку гоголевские представления оказались, по мнению духовной цензуры, сомнительными¹¹.

Смена авторского горизонта в пределах одной статьи – характерное явление для гоголевской

книги. Тесную сопряженность граней авторского образа отметил еще А. Григорьев: «... Вопрос о писателе Гоголь так сливает с вопросом о человеке, что писатель и человек становятся совершенно неразделимы»¹². Так, в письмах, посвященных литературе («В чем же, наконец, существо нашей поэзии», «Об Одиссее, переводимой Жуковским»), автор выступает как литературный критик, пытаясь осмыслить и оценить литературные явления как эстетический феномен и осознать их место в общекультурном пространстве своего времени. Но литература, по его мнению, лишь показатель духовно-нравственной атмосферы современного ему общества: «... В литературе, как и во всем, – охлаждение. Как очаровываться, так и разочаровываться устали и перестали» (VIII, 383). Это слова, произнесенные уже философом, мыслителем. Подобная «одновременная» многоликость демонстрирует сокровенную авторскую мысль о том, что на любом месте человек может быть прежде всего христианином.

Особым смыслом и искренностью, особой силой проникновения, по мысли автора, наделены слова, произнесенные на пороге смерти. Вероятнее всего, в образе автора и кроются загадка адекватного прочтения книги Гоголя и объяснение того разноречивого мнения, которое сопутствовало этому произведению все время с момента его появления. Гоголь создал образ человека, стоящего перед лицом смерти, прошедшего свой жизненный путь и подводющего некий итог, а значит – предельно откровенного и искреннего. Это почти предсмертная исповедь: «... как говоющий перед исповедью, которую готовится отдать Богу, просит прощенья у своего брата, так я прошу у него прощенья...». При этом идейно-психологическое содержание образа повествователя во всей книге остается неизменным независимо от предмета речи, т.е. разные «амплуа» автора (литератор, критик, мученик, духовный наставник) органично объединены в генеральный образ «добротного христианина».

Интересно, что в тексте отсутствует излюбленный гоголевский сюжет об услужливости, «пресмыкании». Это не случайно – весь строй лирического сюжета подчинен идее утверждения идеала праведного служения и ее декларированию, что ранее не было свойственно гоголевскому тексту. Примирение с действительностью, по мысли писателя, приходит к тому, кто осознал свое место в мире и посвятил себя исполнению своего долга. И напротив, человек, лишенный возможности Служить, бредет неприкаянно к концу жизненного пути, тяготится тщетою существования и мечтает обрести высокий смысл и оправдание своего существования.

До этой книги основным принципом изображения было «фиксировать художественный идеал посредством наиболее удаляющих от него признаков, с помощью “идеала наоборот”¹³, теперь же, согласно общепринятым канонам учительной

литературы, автор «с особым вниманием детально анализировал сущее, чтобы привести читателя к мысли о необходимости осуществить в жизни “должное”»¹⁴. Принцип повествования меняется от зашифровки к декларированию и поучению.

Подобная коренная перестройка всей речевой ткани неизбежно вызвала изменение традиционных для художественного мира Гоголя мотивов истинного служения, государственной службы, которые преобразуются и обретают новые смысловые перспективы. Служение во всех смыслах воспринимается прежде всего как религиозное. Популярная в учительной литературе тема услужливости, лести не затронута автором в этой книге, так сильно он нацелен на создание положительного идеала.

Примечания

- ¹ Письмо Н.В. Гоголя Н.Н. Шереметевой от 30 октября 1845 года // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., Л., 1950. Т. 12. С. 354.
- ² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., Л., 1950. Т. 12. С. 56. Далее произведения и письма Н.В. Гоголя цитируются по приведенному изданию с указанием номера тома и страницы.
- ³ О сакрализации темы служения монарху и самой фигуры венценосца убедительно написал И.А. Виноградов

(См.: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель: Основы христианского мирозерцания. М., 2000. С. 336, 368).

- ⁴ Цит. по: *Адрианова-Перетц В.П.* Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды отдела древней русской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 25.
- ⁵ На возможные источники гоголевской книги указывали многие исследователи, в их числе В.А. Воропаев (*Воропаев В.А.* «Сердце мое говорит, что книга моя нужна...» // Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990. С. 23).
- ⁶ *Адрианова-Перетц В.П.* Указ. соч. С. 46.
- ⁷ *Виноградов И.А.* Указ. соч. С. 336, 368.
- ⁸ См.: *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. С. 651.
- ⁹ *Булгаков Н.* «Душа слышит свет...»: Реализм позднего Гоголя // Лит. учеба. 1995. № 2, 3. С. 173–202.
- ¹⁰ Там же. С. 187.
- ¹¹ Н.С. Тихонравов, В.А. Воропаев, И.А. Виноградов писали о том, что статьи «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же» были исключены цензурой.
- ¹² *Григорьев А.* Собр. соч.: В 14 т. М., 1916. Т. 8: Н.В. Гоголь и его «Переписка с друзьями». С. 5.
- ¹³ *Мильдон В.И.* Эстетика Гоголя. М., 1998. С. 27.
- ¹⁴ *Адрианова-Перетц В.П.* Указ. соч. С. 47.

УДК 821.133.1.09-1+929 Верлен

ПОЛЬ ВЕРЛЕН И «СОВРЕМЕННЫЙ ПАРНАС»

В.Е. Федотова

Поволжская академия государственной службы
E-mail: violanag@mail.ru

Статья посвящена ученическому периоду творчества французского поэта Поля Верлена, примкнувшего в 1860-х гг. к группе «Современный Парнас».

Автором анализируются как ранние «парнасские» стихотворения, написанные под влиянием мэтров старшего поколения – Готье, Банвиля, Леконта де Лиля, Менара, Бодлера, – так и произведения-воспоминания уже зрелого художника; определяются отличительные особенности «парнасской» техники стиха.

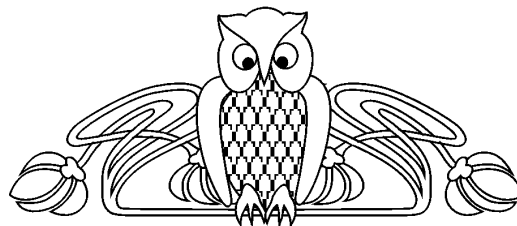
Ключевые слова: Поль Верлен, «Современный Парнас», «искусство для искусства».

Paul Verlaine and «The Contemporary Parnassus»

V.E. Fedotova

The article is devoted to the student period of the French poet's Paul Verlaine literary life when in the 1860-ies he joined the group «The Contemporary Parnassus». The author analyses both early Parnassian poems written under the influence of the older generation masters such as Gautier, de Banville, Leconte de Lisle, Menard, Baudelaire and the reminiscences of the mature artist. The author defines distinctive features of Parnassian poetry technique.

Key words: Paul Verlaine, «The Contemporary Parnassus», «art for art's sake».

Как известно, свой творческий путь Поль Верлен начал в 1860-е гг. в группе «Современный Парнас».

Легендарный Парнас создавал служителями Искусства, категорически не принимавшими навязанный им историей новый миропорядок, избирающими духовное бегство и пытающимися укрыться в «башне из слоновой кости». В содружество вошли как уже именитые поэты, подобные Теофилю Готье, Шарлю Леконт де Лилю и Теодору де Банвилю, так и литературная молодежь, с которой и сблизил Поль Верлен.

В «Записках вдовца» в миниатюре «О современном Парнасе» поэт подобно живописцу меткими и изысканными мазками создает выразительные и лаконичные портреты ярких и непохожих друг на друга индивидуальностей на единой картине ожившего в воспоминаниях Парнаса, его героев – прежде всего мэтров старшего поколения Готье, Банвиля, Леконт де Лиля, Менара, Бодлера, а затем ровесников, ставших известными ранее Верлена – Эредиа, Коппе, Мендеса, Леона Валада, Мера, Сюлли-Прюдома, д'Эрвильи, Вилье де